

Владыка пика Сяо уже упоминал Сы Цзюньчжаню о беде Се Яна.

Старший брат тогда не на шутку приуныл: долг лучшего ученика обязывал его как следует опекать младших шиди, однако любой, кто хоть раз видел Се Яна, понимал — у этого парня рот на замке, и ключа к нему не подобрать!

Если Се Ян не желал открывать душу, перед ним опускал руки даже Юнь Фэймяо, так что мог поделаться он сам?

Изначально Сы Цзюньчжань планировал сперва сойтись с Се Яном поближе, а уж после начать прощупывать почву обиняками. Именно ради этого он сегодня специально дожидался окончания вечерних лекций, дабы оценить успехи новичков.

Он-то наивно полагал, что ему придется вот так нянчиться с шиди еще по меньшей мере полгода, а тот вдруг взял и сам во всем признался!

И пускай Сы Цзюньчжань совершенно не понимал, с чего бы это замкнутый юноша столь резко переменил свое решение, подобные проблемы следовало искоренять как можно скорее.

Сы Цзюньчжань вихрем долетел до ворот чертога Сяояо. Увидев вывешенную снаружи табличку «Ввиду уединенной медитации гостей не принимаю», он стиснул зубы и в конечном счете решительно двинулся напролом, пустив в ход пропускной жетон высшего уровня, дарованный ему на пике Цзяньсяо.

Если обычные люди вывешивали подобные предупреждения ради затвора, то его наставник в девяти случаях из десяти делал это исключительно ради того, чтобы преспокойно поплескаться в ванне!

Проникнув внутрь, Сы Цзюньчжань напрямик устремился к купальне Юйцин и действительно застал владыку Сяо в целебных водах.

На краю купальни были чинно расставлены всевозможные яства, духовные плоды и несколько кувшинов с изысканным вином. Рядом на каменном выступе покоился артефакт в форме рупора, из которого на всю округу разносился зычный голос, зачитывающий вслух очередную любовную повесть, прообразами для героев которой явно послужили сам Сы Цзюньчжань и Шэнь Яньшу.

Как раз в этот миг артефакт вещал о том, как днем Сы Цзюньчжань прилюдно скрещивал клинки с Шэнь Яньшу, а под покров ночи его личность претерпела разительные перемены. Терзаясь муками совести за дневные препирательства с братом Шэнем, он по собственной воле прокрался в его покои, дабы разоблачиться и предложить себя в качестве подушки для утех. На что Шэнь Яньшу с благосклонной улыбкой ответил согласием...

Да что ж такое-то! Опять это «разоблачиться и предложить себя в качестве подушки для утех»!

Неужто у нынешних младших братьев и сестер настолько скудный словарный запас, что в каждую рукопись они пихают эти злосчастные обороты?

Сы Цзюньчжань почувствовал, как у него бешено запульсировала жилка на виске. У него, кажись, скоро разовьется стойкое отвращение к этим фразам.

Ничего, вот выкроит свободную минутку и всенепременно предложит Шэнь Яньшу добавить в расписание новичков парочку уроков изящной словесности.

Он вновь перевел взгляд на водоем. Владыка Сяо, распустив длинные волосы, лениво возлежал у самого края. И пускай большая часть его тела была погружена в воду, руки он держал снаружи, увлеченно листая записи на нефритовом свитке связи. Причем плотная пелена пара и брызг не могла скрыть его донельзя довольную и ухмыляющуюся физиономию!

Такую великолепную, благородную внешность — и так бездарно губить!

— Учитель! — позвал Сы Цзюньчжань, однако владыка Сяо слишком глубоко ушел в чтение и даже ухом не повел.

Сы Цзюньчжань повторил оклик еще несколько раз, в конечном счете задействовав духовные силы ради усиления голоса, однако наставник лишь продолжал издавать тихое, похотливое «хе-хе-хе»...

Потеряв всякое терпение, старший брат широкими шагами подошел к воде и одним махом вырвал нефритовый свиток из рук владыки Сяо. Впрочем, стоило ему самому мимоходом опустить взгляд на экран, как юноше безумно захотелось тут же выколоть себе глаза.

Старый нечестивец! Как у него только рука поднялась читать столь фривольные книжонки про собственных учеников и племянников?

Да и кому, как не родному наставнику, знать его истинный нрав? Неужто он, Сы Цзюньчжань, похож на безвольного рохлю, которого можно прижать к стенке, раздеть, подвергнуть насмешкам, а тот в ответ лишь станет стыдливо молить о пощаде?

Сы Цзюньчжань резко сжал пальцы и с хрустом раздавил нефритовый свиток в мелкую крошку.

Владыка Сяо от неожиданности едва из воды не выпрыгнул:

— А-Чжань! Ну мы же цивилизованные люди, всегда можно сесть и поговорить! Зачем ты мой свиток-то сжил со свету? Свиток ведь ни в чем не виноват!

— Да, свиток действительно ни при чем. Но ему просто не повезло угодить в руки к такому старому проказнику, как вы, — холодно усмехнулся Сы Цзюньчжань. — Я не имею права нарушать сыновний долг и поднимать руку на учителя, но уж с бездушной жестянкой совладать мне ничто не помешает!

Видя, что старший ученик разгневался не на шутку, владыка Сяо предпочел благоразумно прикусить язык.

Он и сам прекрасно понимал, что увлекаться любовными историями с участием собственных воспитанников — дело не самое благородное, но ведь устоять перед искушением было выше его сил! Вот и приходилось под предлогом уединенной медитации втихомолку предаваться пороку, дабы никто в ордене не прознал о его маленькой слабости.

Тьфу-тьфу-тьфу, никакой он не старый!

Это всё старший ученик своими нравоучениями с толку его сбивает.

Сы Цзюньчжань смерил его ледяным взглядом:

— Учитель, мне нет дела до ваших тайных чудачеств, покуда они не выходят за пределы этих

стен. Однако не кажется ли вам, что как наставник вы проявляете редкостное легкомыслие?

— Помните, как вы без конца слали мне мысленные послания, умоляя во что бы то ни стало перехватить и доставить вам двоих новых шиди? Теперь, когда они у вас в руках, вы растеряли к ним всякий интерес? Вы ведь прекрасно знали, что тело Третьего брата осквернено неведомым недугом, так какого лешего вы заперлись здесь ради подобных глупостей? Случись с Третьим шиди беда, вы бы...

Владыка Сяо едва слышно буркнул под нос:

— Я как раз ради предотвращения беды и вручил тебе пропускной жетон высшего уровня. Иначе когда бы еще у такого паршивца, как ты, достало дерзости ворваться в мои покои и тыкать мне в нос обвинениями?

Сы Цзюньчжань глубоко вдохнул, сдерживая гнев:

— Теперь Третий брат сам вызвался открыть правду, а вы...

— Он сам согласился говорить? — искренне изумился владыка Сяо. — Надо же, какой покладистый ребенок!

«Сам согласился» — разве это плохо? Что за странные вопросы?

Сы Цзюньчжаню до безумия хотелось велеть наставнику замолчать, но, рассудив, он сдержался и лишь в общих чертах обрисовал зловещие узоры, проступившие на спине Се Яна.

Услышав это, владыка Сяо мигом растерял всю свою шутливость и посерьезнел:

— Побудь пока с ним, а я мигом слетаю на пик Цзяньчжэнь, призову знающих людей.

Стоило слову сорваться с его уст, как сам владыка с тихим свистом растворился в воздухе. К тому моменту, как Сы Цзюньчжань вернулся в рабочий кабинет, наставник уже размашистым шагом входил в двери, держа в одной руке за шкирку старейшину Чжэнаня, а в другой — главу пика Цзяньчжэнь, владыку Чэня.

Сы Цзюньчжань давно привык к подобным беспардонным выходкам своего учителя, а вот Се Ян от удивления даже глаза округлил.

Заметив это выражение на лице юноши, владыка Сяо остался весьма доволен.

Он еще при первой встрече заметил, что Се Ян с малых лет хлебнул немало горя. Те невзгоды пускай и не сломили его дух, однако напрочь стерли с его лица какие бы то ни было живые эмоции. Но стоило мальчику обосноваться в ордене Ванцзянь, как на его лице то и дело стали проскальзывать крупницы живых чувств. Это ли не прямое доказательство того, что нравы в их секте исключительно благоприятные?

По крайней мере, у них тут весело! Даже самый нелюдимый сухарь волей-неволей понемногу оттаивает.

Если удастся сокрушить этот проклятый массив, Се Ян наверняка станет еще более открытым, верно?

С этими мыслями владыка Сяо без лишних церемоний сгрузил обоих мастеров прямо перед Се Яном:

— А ну-ка, вы двое, живо осмотрите моего ученика! Сдюжите разрушить этот массив? Если окажется, что вам это не под силу... если не справитесь, я ваш пик Цзяньчжэнь с землей сравняю!

Старейшина Чжэнань недовольно огрызнулся:

— Да имей же ты каплю благоразумия! Мы двое — всего лишь мастера меча, преуспевшие в начертании боевых контуров, а не затворники, посвятившие жизнь изучению древних плетений. С какой стати нам уметь щелкать любые оковы как орехи?

Владыка Сяо лишь фыркнул:

— Мой ученик столько лет муки терпел, к лешему теперь ваше благоразумие! А ну шевелитесь живее!

Владыка Чэнь не стал тратить время на препирательства со взбалмошным собратом и сразу шагнул к Се Яну, дабы осмотреть его спину. Однако стоило ему вчитаться в узоры, как лицо его мгновенно помертвело:

— Массив похищения удачи и замещения судьбы!

— Что?! — старейшина Чжэнань не поверил своим ушам и поспешно протиснулся вперед. Едва разглядев переплетение линий, он судорожно схватил ртом воздух. — Как такое возможно? Ведь всё, что было связано с этим проклятым искусством, уничтожили до единого свитка еще пятьсот лет назад! В ту пору за процессом лично надзирали главы всех семи великих орденов, там просто не могло быть никаких лазеек.

Владыка Сяо нетерпеливо перебил его:

— Были там лазейки или нет — разберемся после. Вы мне лучше скажите, как моему шиди эти оковы снять?!

Старейшина Чжэнань ответил ему тем же тоном:

— Да если бы этот массив можно было снять по щелчку пальцев, в древности не пришлось бы созывать глав семи великих орденов разом!

Владыка Чэнь согласно кивнул:

— В те времена все сопутствующие рукописи и трактаты сожгли дотла, у нас в ордене Ванцзянь не осталось ни единой копии. Если мы хотим избавить мальчика от проклятия, придется выводить формулу противодействия с чистого листа.

— И сколько на это уйдет времени? — с тревогой в голосе осведомился владыка Сяо.

— Да кто ж его знает? Дело это небыстрое, годы могут уйти, — со вздохом констатировал старейшина Чжэнань. — Давайте поступим так: пускай Се Ян на какое-то время обоснуется у нас на пике Цзяньчжэнь. Как только нам удастся нащупать ключ к разгадке и разрушить чары, я лично верну его тебе в целостности и сохранности.

Владыка Сяо рассудил, что в этих словах есть зерно истины, а потому кивнул в знак согласия.

— А я... смогу ли я по-прежнему посещать общие занятия? — не удержался от вопроса Се Ян.

— Разумеется, сможешь, — владыка Чэнь с искренним состраданием посмотрел на стоящего перед ним ребенка. — Эту тайну не следует разглашать при посторонних. На ближайшее время изменится лишь место твоего ночлега — ты временно переберешься на пик Цзяньчжэнь. В остальном же твой прежний распорядок останется без изменений.

— Премного благодарен владыке Чэню. Впредь мне придется изрядно обременять своими заботами вас и старейшину Чжэнаня.

<http://bllate.org/book/17668/1663783>